

АНАЛИЗ ВЕРЫ

Агнос, если я был прав в предыдущей главе, то мы теперь готовы войти в спор. Одной из самых основных трудностей, встречаемых неверующими, является сущность веры — не только христианской веры, но любой формы общей веры. Часто утверждается так: если истина — возможное явление и спор помогает нам прийти к ней, то у нас не может быть нелогичного явления, называемого «вера». Вера всегда идёт за пределы доказуемых явлений; это прыжок, неоправданный прыжок в мир неуверенностей.

Поэтому нашу беседу необходимо начать с тщательно составленного определения веры. Как часто случается со словами, в последнее время и это слово попало в беду. Вера — это не витраж, посвящённый только религиозным целям. Правда, это слово необходимо религии, но лишь потому, что оно необходимо самой жизни. В предыдущей главе мы утверждали, что жизнь нуждается в философии; в этой главе мы утверждаем, что жизнь *нуждается в вере*.

А. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРЫ

Дорогой Агнос, мне просто жутко, что выражение «слепая вера» столь популярно среди неверующих. Мало кто среди христиан утверждает, что вера для них слепа. На протяжении последних двух тысяч лет главное течение христианства выражает мнение, что вера есть разумное доверие, приемлемая уверенность в таких явлениях, как Бог, Христос и Библия. Это доверие основано на достаточных доказательствах, хотя они, быть может, не являются совершенными или вполне показательными.

Какой-то неизвестный ученик-англичанин однажды определил веру как «силу верить тому, что, как человеку известно, неверно». Г. Л. Менкен сказал, что вера является «нелогичным убеждением в происшествии чего-то невероятного». Амброс Бирс сказал, что вера есть «необоснованное доказательствами убеждение в том, что утверждается человеком, который без знания говорит о явлениях, не имеющих себе никакой параллели». Дж. Б. Шоу отметил: «Люди поверят всему, что развлекает, удовлетворяет и обещает им какую-нибудь прибыль».

Если обратить внимание на эти определения, развлекающие нас, то казалось бы, разумный человек ничему не поверит. Но просто удивительно, что в большинстве мировых языков есть слова со значением веры и убеждения. Довольно печально, что некоторые христиане делают эту самую ошибку, когда определяют веру так, что она будто бы оказывается доверчивостью.

Когда призывают таковых защитить свою веру, как апостол Пётр советует (1 Петр. 3:15), то они отвечают: «Я просто принимаю всё это верой».

С этим я не согласен. Верой нельзя оправдывать своё незнание или ленивость. Посвятить всю жизнь тому, что не можешь защитить, — это не вера; это — мужественная глупость. Можно оправдать любую историческую систему мышления, — коммунизм, фашизм, сатанизм, — утверждением: «Я просто это принимаю верой». Мы ни в коем случае не могли бы сделать разумный выбор между двумя мировоззрениями без некоторых удостоверений, взятых из наших различных систем убеждений. Джеймс Росс прав, когда утверждает, что «общепринятое представление веры, лишённой достаточного количества доказательств, совсем не соответствует... традиционному учению иудаизма и христианства».¹

Как соответственно определить веру? Вера есть доверие, осведомлённое доверие, приемлемое доверие, — доверие, основанное на некоторых доказательствах. Такие слова, как «вера» и «знание», всегда трудно определить, потому что отношение между ними постоянно меняется и в понятиях отдельных людей; оно отличается хоть в небольшой мере. Можно определить знание без всякого упоминания веры, но невозможно определить веру без всякого упоминания знания, потому что вера означает что-то менее знания.

Когда мы говорим, что кто-то нечто знает, то мы более или менее утверждаем, что он держится какой-то истины, которую прямым путём он может доказать. Мы часто заявляем: «Я это знаю и могу это доказать!» Редко кто из нас скажет: «Я этому верю и могу это доказать!» Поэтому, всякий раз, когда кто-то утверждает, что он нечто знает, мы свободны спросить у него об основаниях или причинах его утверждений. Этими основаниями или причинами скорее всего являются непосредственные чувства, наш прямой опыт или тому подобное.

Когда мы говорим, что кто-то чему-то верит, то более или менее утверждаем, что он держится предположения, которое он *прямым путём* не может доказать, но для которого есть достаточно доказательств *непрямого характера*, чтобы оправдать его убеждение. Что касается вопросов веры, мы обыкновенно говорим: «Я этому верю и могу представить довольно убедительные свидетельства в защиту моего убеждения». Такие более сильные по значению слова, как «доказательства» и «доказать», мы обычно относим к вопросам знания.

Итак, вера и логика не являются противоположными понятиями, хотя отличаются друг от друга по методу действия. Оба понятия ищут истину и знание. Логика принимает более прямой подход тем, что ищет истину путём прямого восприятия, индукции, необходимого подразумеваемого, контролируемой экспериментальности и тому подобного. Вера проникает в мир менее уверенных явлений, и в попытке дойти до истины она полагается на не прямые пути исследования, как, например, принятие выводов исследовательской работы, сделанной другими людьми. Приемлемая вера всегда основана на некоторых доказательствах, хотя они никогда не являются совершенными. Однако приемлемое доверие совершенных доказательств не требует, а то все судебные процессы и издание газет давным-давно прекратились бы. Вера должна иметь некоторые доказательства, а то она превратилась бы в неприемлемую веру и стала бы всего лишь доверчивостью или суеверием. Вера должна быть укоренена в реальности фактов, а то челове-

1. James Ross, *Introduction to the Philosophy of Religion* (London: Macmillan, 1969), стр. 84—85.

ческое воображение измышляло бы всякие новые предположения, которые мы верой могли бы принять.

Может быть, лучше было бы Вам увидеть этот вопрос, представленный в графическом виде. Если посмотреть на вопрос с точки зрения истины или знания, то приходится сказать, что вера стоит как раз посередине знания и незнания. Поэтому:

1. Знание есть истина, открытая прямыми доказательствами.
2. Вера есть истина, открытая непрямыми доказательствами.
3. Незнание есть отсутствие истины в результате того, что нет никаких данных, ни прямых, ни не прямых.

Если посмотреть на вопрос с точки зрения психологической уверенности, то приходится сказать, что вера стоит как раз посередине уверенности и доверчивости или легковерия. Поэтому:

1. Уверенность есть убеждение, основанное на прямых доказательствах.
2. Вера есть убеждение, основанное на не прямых доказательствах.
3. Доверчивость есть убеждение, не основанное ни на каких доказательствах.

Заметьте, Агнос, что вера, стоящая между знанием и незнанием, уверенностью и доверчивостью, в некотором смысле, берёт часть с обеих сторон. В вере находятся некоторые доказательства, относящиеся к знанию, но также и некоторые неуверенности, потому что её доказательства не прямые.

Чтобы уточнить дело, мне надо указать на то, что вся до этого представленная схема до крайности упрощена. Нужно её немного затуманить. Мы настолько свободно пользуемся словами «знание» и «вера», что дать им навсегда уточнённые определения никак не удаётся. На самом деле, нельзя провести определённые разделяющие линии между знанием, верой и незнанием. Например, ничего странного нет в том, что одно и то же предположение является для одного человека знанием, а для другого вопросом веры. На суде происшедшие события, предлагаемые в качестве свидетельств, являются знанием для очевидца, но для присяжных они оказываются явлениями, которые принимаются верой. Опытный учёный потребовал бы более убедительных доказательств в подтверждение данного предположения, чем, скажем, уборщица. Мы утверждаем, что «уборщица без особого сомнения верит сказанному ей». Заметьте, как мы с сожалением говорим: «Он всегда был таким доверчивым».

Логика и вера составляют собой одно целое по линии, которую мы называем «методами, приводящими нас к истине». Они меняются медленно и постепенно. Если мы попытаемся найти точный разделяющий их пункт, то обнаружим только затуманенную полосу. Значит, как именно каждый человек пользуется словами «знание» и «вера», — зависит от некоторых явлений: от его естественного цинизма, доверчивости, рассуждающего подхода к рассматриваемому вопросу, от его формального образования и личных интересов.

Б. КАКАЯ МЕТАФОРА САМАЯ ЛУЧШАЯ?

Если буквальное значение веры вызывает трудность, то символическое использование её вызывает трудность почти ту же самую. Можем ли мы соответственно назвать веру «прыжком»? Вопрос сводится к тому, какие

метафоры мы избираем, а, ведь, метафоры скорее всего зависят от личного вкуса каждого человека. Метафоры не подтверждают какого-либо мнения; они лишь показывают то, что было доказано другими средствами. Поэтому, если моё представление веры достоверно, то название веры прыжком, — не доказывает, что она является нелогичным явлением.

Те, которые называют веру прыжком, стараются символизировать одну действительную сторону веры — понятие *важного решения*. Это верно, что вера никогда не вызывается доказательствами, как обычно случается, когда мы говорим о знании. Так как вера относится к области, в которой доказательства менее уверенного характера, то применяется фактор нашего выбора или решения: наша воля становится участником драмы. В вопросах веры решаешь доверять данному утверждению или человеку, потому что предоставленные доказательства убедительны. Так как религиозная вера относится к критическим последствиям (вечной жизни), то, видимо, тем более оправданно назвать веру прыжком.

Важное решение — это всего лишь одна сторона веры, даже религиозной веры. Её второй стороной является вопрос убедительности доказательства. Даже перед тем, как прыгнуть, стоит осмотреться. Водит нас в заблуждение тот, кто утверждает, что вера есть прыжок в темноту или неизвестность. Также как утверждает Элтон Триублад, без всякой трудности можно сказать, что вера есть вход в свет, то есть в свет, который у нас есть. Свет веры, быть может, тусклее света знания, но это не есть полная темнота. Мне всё-таки кажется, что назвать веру «входом в свет» слишком скромно. В слове «вход» отсутствует понятие серьёзного обдумывания вопроса, которое играет свою соответствующую роль в религиозной вере.

Существует ли какая-то описательная метафора, лежащая между входом и прыжком и сочетающая в себе обе стороны веры: с одной стороны, доказательства, с другой, добровольное решение или выбор? Скачок. Вхождение. Быстрый необдуманный вход в дело. Может быть, «вступление на авантюру» — самая лучшая альтернатива, но видимо ничто в простонаречии не заменит слова «прыжок». Думается, что я буду пользоваться термином «прыжок», но только при том условии, что Вы не будете утверждать, что это слепой прыжок в темноту. Вера — это риск, основанный на доказательствах, на таких убедительных доказательствах, что ими можно оправдать наше решение прыгнуть или вызвать у нас надежду на полный успех нашего прыжка.

Вот именно тут же, Агнос, я свободен представить Вам моё философское понятие апологетики. Христианская апологетика является дисциплиной, используя которую верующий старается доказать истинность христианской религии. «Доказать» здесь не указывает на установленное явление знания, но на доказательства, настолько убедительные, что можно ими поощрять человека «отправиться на авантюру». Пользуясь метафорой прыжка, я бы сказал, что моя ответственность, как апологета, в том, чтобы поощрять любого человека сделать серьёзный прыжок. Я стараюсь показать, что прыжок не безнадёжен, что можно дойти до противоположной стороны, что многие, жившие перед нами, это уже сделали, что опасности не так страшны, как нам они кажутся. Дальше этого апологет не пойдёт. Можешь привести лошадь к воде, но не заставишь её пить. Я предлагаю доказательства, но должны сделать прыжок Вы.

В. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПРЫЖОК — ФИЛОСОФСКИЙ РЕАЛИЗМ

Я настаиваю, что вера является вполне логичным действием челове-

ческого разума. Вы каждый день пользуетесь ею и, по всей вероятности, этого даже не замечаете. Человеческий разум немало доверяет различным явлениям и людям. Доверять кому-то или чему-то — это не глупость, как и требовать оснований, чтобы подтвердить разумность доверия, — это также не глупость. Если посмотреть на детей и людей до времён цивилизации, то Вы увидите естественную склонность человеческого разума, — утверждать то, что, мол, «я готов поверить почти любому явлению по той причине, что жизнь полна интересных вероятностей»: Разумеется, когда человек стареет и получает образование, то говорит: «Мне нужно постепенно устранять некоторые убеждения, потому что они в основном не соответствуют моему опыту». Но мы никогда не доходим до того, что заявляем: «Я никогда ничего не принимаю на веру!»

Один прыжок, который мы ежедневно делаем, относится к довольно уязвимой области философии — эпистемологии. Эпистемология есть изучение основы действительного знания. Одна из первых проблем эпистемологии заключается в том, на каких основаниях мы уверены, что существует настоящий мир за пределами нашего разума? Вторая сторона этой проблемы относится к вопросу: на каких основаниях я уверен, что существуют другие разумы, подобные моему? Мы не могли бы иметь никакой общественной жизни, если бы не верили, что каждая личность, обитающая в видимом теле, распоряжается своей внутренней сознательной жизнью, куда никто другой не может полностью войти. Убивая Вас, я не ощущал бы никакого сочувствия к Вам, если бы считал, что Вы, Агнос, — какой-то бессознательный механизм или материальная масса цветных форм, явившихся в частном поле моего зрения.

Главный вопрос вот в чём: как же нам всё это известно? Точнее, на каких основаниях я это знаю, так как слово «мы» указывает и на Вас, а ведь я даже неуверен, что Вы действительно существуете. Как нам можно доказать существование мира и других разумов? Значит, докажите это, чтобы оно стало вопросом знания.

Солипсист отвечает: этого не доказать! Солипсизм есть убеждение, что ничего не существует, кроме собственного «я» мыслящего человека. Солипсист утверждает, что мир в своей целостности может быть всего лишь иллюзией, представляемой только нашему внутреннему «я». Я сам собой составляю реальность в её целостности, утверждает он.

Рене Декарт считал, что он дошёл до сути философской Истины, когда заявил: «*Cogito Ergo Sum*», то есть «мыслю, следовательно, существую». Дэвид Юм пошёл дальше в заключении, утверждая, что надо постоянно сомневаться в вещах и, устранить наше «я» и этим дойти до более основного тезиса: «мыслю, следовательно, существует мышление». Датский биолог, Ханс Дрейт, ещё дальше утверждал, что мы можем быть полностью уверены лишь в одном: «я чем-то являюсь (хотя неуверен, чем именно) в тот момент, когда поднимаю вопрос». И наверно, дорогой Агнос, в этом-то и заключается для человека единственная Истина, не требующая доказательств, — единственное утверждение, не имеющее себе никаких предположений и не требующее никакой веры.

Поэтому солипсизм есть рационализм, дошедший до абсурдности. Солипсист решил ни во что не верить, кроме того только, что ему видно и не требует никаких доказательств. Однако такое отношение приводит его к признанию, что ничего не существует, кроме него самого. Но даже в этом он уверен всего лишь на протяжении каждой отдельной секунды. Я как-то сомневаюсь, что Вы являетесь солипсистом, потому что большинство людей

являются реалистами. Реализм — понятие, противоположное солипсизму, — есть убеждение, что мир, как самостоятельная и безличная единица, существует за пределами нашего разума. Большинство людей являются реалистами по привычке. Однако, как в совершенстве доказать убеждение реализма? Это, в сущности, невозможно! Можно только предположить, что это так в силу того, что в жизни мы так действуем, и что это соответствует здравому рассудку. Всё это выходит гораздо лучше, чем в случае солипсизма. Предположение всего этого на том основании, что оно объясняет окружающий мир, — вот это, по-моему, есть вера, т. е. доказательство непрямых методами. Значит, реализм является действием веры, разумным прыжком, приемлемым доверием. Быть может, это первоначальный и самый основной прыжок, сделанный нами. Кто-то разумно заявил: «Вера смешана с первой пищей малыша».

Не забывайте, Агнос, что Вы отрицаете солипсизм, но не потому, что реализм не нуждается в доказательствах. В следующих главах я буду защищать христианство тем же самым методом, которым Вы отрицаете солипсизм.

Г. ВЕРА ПРЕДШЕСТВУЕТ И СЛЕДУЕТ ЗА ЗНАНИЕМ

В исследовании веры нам приходится рассмотреть ещё другое общепринятое понятие — что знание всегда *предшествует* вере. Казалось бы, это довольно популярное понятие: узнай всё, что возможно, и проводи линию между знанием и верой. Собери все факты, которые можно собрать, и тщательно приступай к неизвестному.

Прежде всего я должен согласиться с тем, что во многих случаях вера, то есть обоснованное доверие, следует за знанием. Я этим говорю, что, когда большинство людей серьёзно изучает данный вопрос, то они собирают все *прямые* доказательства в подтверждение своих предположений и утверждений, а после этого тщательно оценивают рассматриваемое дело и составляют свои предсказания относительно всего остального, т. е. непрямых доказательств. Я всё же не могу принять тезис, что вера приходит только после знания; она и предшествует, и следует за знанием. Мы только что показали, что без самосознания наше познание мира не имело бы никакого начала, если бы мы не сделали простого первоначального прыжка веры — не постулировали существования мира.

Любой психолог знает, что во всех нас есть сложная фильтрующая система, которая проверяет данные и классифицирует то, что мы воспринимаем, по какому-то *априорному* образцу. В изучении эпистемологии один из наиболее общепринятых мифов, который нужно опровергнуть, заключается в понятии, что есть *истинное* восприятие недистиллированных, то есть неинтерпретированных нами данных внешнего мира. Это просто неверно. Голые факты не входят просто в голову, также как нам не преподносят факты на ладони. То, что окружает нас и называется «миром», окажется «шумным беспорядком», пока мы сами этого шума не станем смягчать с помощью какого-то чувствительного фильтра. Все люди должны научиться посредством своего внимания, способности различать, посредством проб и ошибок, избрания и отвержения данных, как применять упорядочивающий принцип к целому ряду чувствительных явлений.

Даже в области чувствительного восприятия играет свою роль привычка всё интерпретировать, которой мы сами научились. Ваше представление мира оказывается интерпретированным представлением. Если Вы спрашиваете: чем является мир сам по себе?, то Вы вероятно никогда полностью не ответите на этот вопрос. В прошлом физики утверждали, что «действительный» или неинтерпретированный мир лишён многих черт, которые мы

обычно приписываем ему: цвета, звука, вкуса, обоняния. Они говорили, что все эти черты являются «субъективными» аспектами, подлинности, то есть они существуют в том человеке, который воспринимает данные, но не в самих воспринимаемых данных. Мы немало потеряли, отказавшись от этих субъективных аспектов, но, быть может, как думали некоторые, мы были компенсированы тем, что, наконец, дошли до сути реальности.

Психологи называют эту *априорную* фильтрующую систему восприятия «перцепционной наклонностью». Чтобы подтвердить её подлинность, надо только поехать в Австралию и сравнить наше представление мира с представлением, которого придерживаются аборигены. Или, сравните Ваше представление мира с представлением, которого придерживались люди средневековых или древних времён. Вы весьма удивитесь, когда увидите, в какой мере Ваше представление целой массы данных, окружающих нас, отличается от их представления. В будущем и в других местах люди будут обращать внимание на те вещи опыта, которые Вы сейчас не считаете важными.

Эта перцепционная наклонность, этот фильтр предубеждения является *делом веры*. Я здесь имею в виду то, что она принимается нами, когда мы ещё малые дети и неспособны проверить её объективными средствами. А потом, когда мы немножко подрастаем, то эта наклонность образовывается и усиливается в нас.

Может быть, Вы скажете: «Всё-таки, моя перцепционная наклонность правдива, у аборигена она искажена». Как Вам это знать? Дело зависит от Вашей точки зрения. Кто Вы такой, чтобы утверждать, что абориген обращает внимание не на те вещи? Вы, быть может, ответите: «Моя перцепционная наклонность заставляет меня говорить истину о материальном мире, когда его перцепционная наклонность заставляет его говорить неправду». Это спорное утверждение, но если бы я даже согласился с Вашей оценкой, то должен сказать, что Вы ясно не обладали способностью сделать такую оценку в то время, когда начали пользоваться своей перцепционной наклонностью. Когда Вы начали пользоваться ею, то приняли её на веру, не зная. Поэтому доверие предшествует знанию; значит, знание следует за верой. Нет смысла утверждать, что наше восприятие вещей предшествовало нашему доверию; всё, видимо, как раз наоборот. Ваше познание мира не имело бы начала без Вашего принятия особенной перцепционной наклонности на веру. Вера предшествует знанию и открывает путь к знанию.

Августин Блаженный однажды выразил такую мысль: «Я верю для того, чтобы уразуметь». Вместо того, чтобы противиться логике, вера помогает логике, выйти на свой путь. Я уверен, что Августин Блаженный имел в виду многие вопросы, когда так выразился; один такой вопрос наверно состоялся в том, что ничего конкретного не разберёшь из шумного беспорядка, который мы называем «опытом», пока не приложишь к данным какого-то упорядочивающего принципа. Можно по-иному выразить эту истину с другой точки зрения: никак нельзя подтвердить сложную гипотезу о целой массе данных, пока предварительно не признаешь её верной и сам не проверишь её, чтобы узнать, соответствует ли она известным данным или нет?

«Верить для того, чтобы уразуметь» означает «дать теории возможность оправдаться». Данные никогда сами по себе не организуются, только разум с какой-то теорией может это сделать. На суде адвокат в сущности говорит: «Давайте будем на некоторое время считать, что мой клиент невиновен; увидим, не помогает ли моя гипотеза о его невиновности понять известные факты лучше, чем гипотеза о его виновности». Во время суда дело подсудимого справедливо пересматривается только тогда, когда присяжные серьёз-

но считаются с гипотезой о его невиновности. Значит, справедливость требует веры!

Принцип «я верю для того, чтобы уразуметь» действителен даже в психотерапии. Виктор Франкл, известный австрийский психолог, однажды сказал девочке, что «умственному достижению предшествует экзистенциальная преданность делу». Когда она просила, чтобы он логическим образом объяснил смысл её жизни и повседневного труда, доктор Франкл прощрял её без ясных ответов на поднятые ею вопросы проявить зрелость и хотя бы на некоторое время потерпеть жизненные трудности. «Если умственно ты этого не можешь принять, — сказал он ей, — то хоть чувствами должна какому-то смыслу верить. Даже бы если я не нашёл общего смысла, хотя имел бы некоторое понятие о нём, то мне бессмысленно ждать до восьмидесятилетнего возраста, чтобы, наконец, предаться ему. Я должен сейчас доверить моему неполному пониманию общего смысла и предаться в служении ему».² Даже в психотерапии преданность и доверие предшествуют знанию и уверенности. «Я действую, следовательно, надеюсь, что когда-то узнаю».

Августин Блаженный и Виктор Франкл знали очень хорошо, что *скептицизм действительно уничтожает жизнь*. Вера способствует благополучной жизни; сомнение уничтожает её. Если бы Вы делали только то, что можно подтвердить или в чём никак невозможно усомниться, то по всей вероятности с утра не оставляли бы постель. Вы оказались бы в парализованном состоянии, в кататоническом состоянии. Как уже было сказано, последовательный скептик или сходит с ума или убивает себя.

Д. ВЕРА И НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ

Вера, то есть убеждение, основанное на доказательствах, полученных непрямыми путями, особенно применима в научно-исследовательской работе. Учёные часто предполагают о существовании многих вещей ещё задолго перед тем, как их находят. Например, если бы по какой-то причине не даровалось нам возможность видеть Луну прямым средством, то мы, тем не менее, постулировали бы её существование в силу того, что она, своими непосредственными путями, действует на наше сознание. Например, если бы мы не могли видеть Луну непосредственным образом, то всё равно могли бы сказать, что за пределами Земли существует какое-то тело по причине морских приливов и отливов, а также и затмений.

Если привести примеры из истории науки, то отметим, что люди предполагали существование атомов задолго до того, как учёные прямыми путями стали исследовать их. Учёные верили, что атомы существуют, — не потому, что они видели эти основные единицы при микроскопическом уровне, а потому, что их предположение об атомном составе материи много объясняло из того, что они видели на макроскопическом уровне. Таким же образом предполагали существование генов. Чтобы объяснить то, что происходит при воспроизведении живых организмов, ещё задолго до открытия электронного микроскопа биологи постулировали, что существуют носители наследственного материала. Только после изобретения этого нового сильного глаза биологи смогли увидеть цепи генов в хромосомах. Теория о существовании микробов имеет подобную историю. Луи Пастер верил, что существуют бактерии задолго до того, как он сумел доказать их реальность. Он верил, что они существуют потому, что этим многое в мире

2. Смотрите Robert C. Leslie, *Jesus and Logotherapy* (New York: Abingdon Press, 1965), стр. 62.

объясняется. Ещё за два столетия до Пастера итальянский физик, Франкосторо, предложил гипотезу, что моровые язвы вызывались невидимыми «заразными семенами».

Очень интересный пример доказательств, полученных непрямыми путями, мы находим в открытии планеты Нептун. После того, как в 1781 году английским астроном Уильям Гершель обнаружил планету Уран, астрономы заметили, что планета не следовала имъ записанному орбитальному маршруту. Они видели, что между 1800 и 1810 годами орбитальная скорость и расстояние Урана от Солнца было больше, чем между 1830 и 1840 годами. Выходит, что местоположение предполагаемой планеты в различные времена было предсказано двумя астрономами: французом Урбеном Леверье и англичанином Джоном Каучем Адамсом. Немец Иоганн Галле обнаружил Уран 23 сентября 1846 года, работая в Берлинской обсерватории. Ньютоновская механика отпраздновала величайшую победу.

Пьер и Мари Кюри пользовались подобным рассуждением, когда изолировали и выделяли радий из урановой смолки и халькозина. До этого было известно, что урановая смолка содержит в себе два элемента: уран и торий. Однако Мари Кюри замечала, что какое-то вещество в урановой смолке издает более сильное радиоактивное излучение, чем уран или торий. Она с мужем изолировала полоний, который в 400 раз более радиоактивен урана. Они продолжали работать над этим материалом, пока не получили радий, который в радиоактивности в 900 раз сильнее урана. Супругам Кюри было бы легче не обращать внимания на различные измерения радиоактивности и найти какое-то несерьёзно обдуманное объяснение этого явления, но они придерживались убеждения, поощряющего учёных уже целые столетия, — именно, что *когда нечто существует, то это каким-то образом проявляется.*

Агнос, из этих примеров, кажется, Вам теперь довольно ясно, что наука не могла бы существовать без веры в её правильном значении.

Е. ДВЕ КРАЙНОСТИ: РАЦИОНАЛИЗМ И ФИДЕИЗМ

Иногда можно определить данное явление, пользуясь его двухсторонними крайностями. В человеческом рассуждении истина по данному вопросу скорее всего лежит где-то посередине. Я думаю, что то же самое можно сказать и о вере. Так как вера является разумным доверием, мыслители как-то преувеличивают или её логичность, или наше доверие. В разные моменты истории вера часто лежала между двумя неприятными положениями. Пользуясь терминологией Гегеля, приходится сказать, что вера — синтез между антитезисом рационализма и тезисом фидеизма.

1) Ложность рационализма лежит на одной стороне веры. Рационалист верит, что знание однородно, то есть что во всех частях оно одинаково и составлено из сочетания всего того, что не нуждается в доказательстве. Самый яркий образец рационализма мы находим в геометрии, потому что в ней встречаем переход с истин (аксиом), не нуждающихся в доказательстве, к необходимым выводам путём надёжного логического рассуждения. Дедукция — вот это главное правило данного обсуждаемого дела: извлечь необходимые выводы из необходимых истин. Это вопрос тавтологии: выводы неизбежны.

Когда рационализм идёт в крайность (которую я называю «настойчивым рационализмом»), то он развивается в невротическую страсть сделать всё в мире «ясным и определённым понятием». Словами Честертона: «(Рационалист) живёт в ясно освещённой тюрьме одной идеи». Его ум рассуждает по

образцу совершенного круга, но этот круг весьма узок.³ Если знание монолитно, то отсутствует континуум, то есть степень уверенности не меняется. И вот для рационалиста непрощаемым грехом является вера, — склонность принимать явления на основании доказательств, которые не доходят до совершенства; — привычка говорить о вероятностях и допустимом сомнении. Он не может принять того, что не основано на прямых доказательствах: на истинах, действительных чувствах, настоящем опыте, неизбежных заключениях, выведенных из всего этого.

Иисус Христос сказал, что гору можно передвинуть верой, подобной горчичному зерну (Матф. 17:20). Рационалист изменяет эту метафору и утверждает, что необходима вера, подобная горе, для того, чтобы передвинуть горчичное зерно!

2) Ложность фидеизма⁴ идёт в другую крайность заявлением, что настоящая вера не нуждается ни в каком доказательстве. Фидеист пренебрегает всеми попытками приписать вере хотя бы частичную рациональную основу; он денонсирует философию и человеческую логику, как средства дьявола. Он настаивает, что религия должна пользоваться полной уверенностью и что человеческая логика ни в коем случае такой уверенности не имеет. Поэтому вера является радикальным доверием Богу, не приемлемым доверием, основанным на непрямых доказательствах.

Интересно отметить, что в истории христианства часто вместе сосуществовали и рационализм и фидеизм; одна крайность, казалось бы, вызывает другую. Тертуллиан (160—230 гг.) считал, что ему надо было выступить против греческой философии своего времени. О воскресении он сказал: «Верую в воскресение потому, что оно абсурдно; оно является несомненным фактом потому, что оно неправдоподобно».⁵ После него Бернар Клервоский (1091—1153 гг.) выступил против рационализма Пьера Абеляра (1097—1142 гг.) и обвинил его в том, что он «сильно жаждет доказательства». Лютер и Эразм Роттердамский подвергли нападкам тонкости схоластики своего времени.⁶ Сёрен Кьеркегор критиковал рационалистический пантеизм Гегеля. Вдохновляясь Кьеркегором, Барт и Бруннер в наше время проявили сильную реакцию против рационалистического оптимизма девятнадцатого века. В истории христианства все известные фидеисты согласились бы с Б. Паскалем, что «для сердца есть основы, неизвестные разуму».

Агнос, мне становится как-то неловко всякий раз, когда приходится критиковать фидеизм, потому что людям кажется, что этим я критикую саму веру, когда я в сущности критикую неосведомлённую веру. «Иметь веру в веру» — это не библейская вера, как и «быть влюблённым в любовь» не является библейской любовью. Любить любовь невозможно; можно только любить что-то или кого-то, например, женщину. Если любишь женщину, то это благодаря тому, что какая-то объективная черта привлекает тебя к ней: её красота, интеллигентность, грация, достоинство, остроумие, очарование.

3. G. K. Chesterton, *Orthodoxy* (Garden City, N. J.: Doubleday, 1969), стр. 20.

4. «Фидеизм» свободно переводится, как «вераизм». Три других слова, используемых подобным образом, — «пиетизм», «мистицизм» и «фанатизм».

5. Некоторые учёные сомневаются в том, что Тертуллиан выразил такую неразумную идею. Я соглашаюсь с Ницше, когда он говорит: «Я верю потому, что сам являюсь абсурдным».

6. Одной из самых приятных сатир относительно рационализма является произведение Эразма Роттердамского; в английском переводе это — Erasmus, *Praise of Folly*, trans. Leonard F. Dean (New York: Hendricks House, 1946), стр. 95 и дальше.

То же самое можно сказать и о вере. Как только начинаешь говорить о вере, то сразу же имеешь в виду какой-то объект. Значит, речь идёт о вере во что-то. Данный объект надо объяснить с помощью логики, по крайней мере, на первой стадии веры.

А что можно сказать о последней стадии веры? Именно тут же, когда я критикую фидеизм, мне становится совсем неловко. Все великие фидеисты истории заявляют что-то очень хорошее: что религиозная вера, в конечном счёте, превосходит (хотя и включает) рационалистические, объективные и научные категории мышления. Несмотря на все свои личные переживания, одна из самых великих женщин, Хелен Келлер, находила силу в простой, несомневающейся вере. «Простая детская вера в божественного Друга, — сказала она, — разрешает все проблемы, приходящие к нам от земли и моря». Многие люди, которые с этим согласны, предполагают, что Христос рекомендовал такую детскую веру, как условие для спасения.

Истина в том, что Христос *не велел* нам иметь такую веру. Он на самом деле сказал: «Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Матф. 18:4). Умаление себя — это не доверчивость или наивность. Апостол Павел явно советует коринфским верующим не думать подобно детям: «Братья! не будьте дети умом; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14:20).

Вся опасность в рекомендации людям детской веры заключается в том, что дети очень легко сбиваются с правильного пути. У них способность здравомыслящей оценки не развита, поэтому они не узнают диктаторов, шарлатанов или религиозных обманщиков. Если вместо *содержания* или *объекта* веры важной оказывается только *сама вера*, то нет ничего, препятствующего человеку по личному желанию поклониться любой особе или понятию: Молоху, Зевсу, сатане, коммунизму, Гитлеру или просто деньгам.⁷ Если важен объект веры, то это значит, что логика (заметьте: логика, не рационализм) играет свою соответствующую роль. Если логика не имеет никакого значения, то мы можем всего лишь сравнить одну систему мышления, в которой человек делает прыжок веры, с другой. Первый тогда может сказать второму: «Мой прыжок веры всё-таки лучше твоего».

Ж. СБАЛАНСИРОВАННАЯ МОНЕТА: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СУТЬ ВЕРЫ

Выходит, Агнос, что настоящая вера — диалектична, то есть она оказывается полем битвы между двумя противоположными силами. Она предполагает тонкий баланс между рационализмом и фидеизмом, логикой и доверием, доказательством и преданностью, головой и сердцем, логикой и аксиомой, фактом и ценностью. Этот баланс можно выразить разными путями. Можно утверждать, что мы должны стараться быть и нежными и строгими. Надо избегать недуховного богословия и внебогословской преданности. Преданность без рассуждения — это фанатизм, тогда как рассуждение без преданности оказывается прекращением всякой деятельности. По выражению Канта: логика без веры пуста; вера без логики слепа.

У рационалиста отмечается такой невозможный стандарт доказательства: он почти ни во что не верит. Фидеист придерживается такого нестроного стандарта доказательства, что он (логично) в состоянии поверить всему возможному. Посередине стоят те люди, которые держатся разумного стандарта доказательства. Они во что-то верят, то есть во что-то приемлемое!

7. Это напоминает нам о знаменитом высказывании Кьеркегора, что человек, который со страстью поклоняется идолу, оказывается лучше того, кто без страсти поклоняется истинному Богу.

Рационалист говорит: «Прокляты прыгуны (по вопросам веры)!». Фидеист говорит: «Блаженны прыгуны!». Я утверждаю: «Блаженны критические прыгуны!».

Утверждая это, я уверен, что впадаю в преобладающее течение христианского мышления. На протяжении двухтысячелетнего периода большинство христианских мыслителей считают, что вера и логика должны крепко держаться друг за друга, чтобы им не пропасть. В этом-то и заключалось основное понятие Клементя Александрийского, Августина Блаженного, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского и Жана Кальвина. Наш век увидел группу внушительных фидеистов: Барта, Бруннера, Тиллиха, Бульманна. Я лично считаю, что отделение у них веры от логики не устоит. Мне кажется, что христиане в своём большинстве всегда возвращаются к деликатному балансу, который я описал в этой главе и ещё постараюсь выработать в этой книге.

Если вера состоит из диалектической двусторонности, из-за которой чувствуется постоянная тяга то в одну, то в другую сторону, то наша ответственность в проповедовании Слова Божьего из века в век может отличаться по тому пункту, что мы в Писании выделяем и подчёркиваем. Например, в те века, когда преобладает фидеизм, нам скорее всего надо показывать довольным людям, которые верят всему без особого критического отношения, что те вещи, в которые они верят, нуждаются в подтверждении, то есть что они принимаются верой и должны быть доказаны непрямыми методами. А в те времена, когда преобладают логика и дух сомнения в религиозных вопросах, нам надо провозглашать на кровлях, что вера не является слепым доверием, а приемлемым доверием, для которого существует достаточно убедительных доказательств. Значит, наука и логика не держат ключа к открытию всех тайн и всякий разумный человек может стать христианином, не распиная в себе интеллекта.

Если вера диалектична, то нам нужно избегать ошибки редукционизма, согласно которому утверждается, что данное явление сводится *всёго лишь* к одному или другому. Богословрационалист может сказать, что религия — всего лишь догма или доктрина, когда фидеист может сказать, что она — всего лишь чувства. Сомневаюсь, что мы в сила доказать, что есть всего лишь одна какая-то «простая идея» или одно какое-то «простое чувство». Человеческая природа столь сложна, что свести её только к одной определённой простой идее невозможно. Я сомневаюсь в том, что любая идея полностью отделена от чувства. Филип Уилврайт утверждает, что в каждой идее есть свой естественный «чувствительный элемент». В абстрактных идеях, как и в математических понятиях, этот чувствительный элемент оказывается довольно слабым; тогда как в этических понятиях, как и в вопросе справедливости, чувствительный элемент может быть весьма сильным. Когда мы думаем о справедливости, то нам приходят на мысль образы судебной справедливости, справедливого разделения товаров между людьми, соблюдения гражданских прав и т. д. Уилврайт говорит: «Когда такого чувствительного элемента недостаёт, то данная так называемая идея оказывается всего лишь тем чувством, которое высказывается словами в горле и воспринимается ухом».⁸

Так вот, Бог является именно одной из таких идей, содержащих в себе сильный чувствительный элемент. Кто верит только в идею о Боге, тот в сущности в Него не верит.

8. Philip Wheelwright, *The Way of Philosophy* (New York: Odyssey Press, 1954), стр. 412—413.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Агнос, остальная часть книги посвящена тому, чтобы убедить Вас в приемлемости христианской жизни по вере и в том, что она основана на убедительных, хотя непрямых, доказательствах. В конечном счёте, христианская вера — это ответ всей нашей личности Богу во Христе. Вера — более, чем только наше умственное принятие некоторых доктрин о Христе; это наше «да», выраженное Христу всей личностью.

Когда мы говорим о вере, то она в своём значении различается по тому, к чему она относится: к фактам или к людям. В отношении к фактам вера несёт значение сомнения, предположения или неуверенности. Например, когда кто-то заявляет: «Предполагаю, что сегодня пойдёт снег», то этим он утверждает, что он не знает, пойдёт ли снег или нет, но что это возможно или вероятно случится.⁹ Однако, когда слово «вера» употребляется в отношении человека, то им выражается понятие доверия или уверенности. Если Вы услышали плохую информацию, скажем, об Иване, и говорите: «Ивану я верю», то Вы этим показываете Ваше доверие ему. Ваше заявление об Иване равносильно утверждению: «Что бы ни говорилось об Иване, я всё равно доверяю ему самому».

Разумеется, есть какая-то связь между фактами, относящимися к жизни Ивана, и Вашим доверием ему. Вы стали доверять ему потому, что в прошлом его поведение заслужило доверие. Большинство из нас не доверяет незнакомому лицу, которого мы только в первый раз увидели. Но раз мы нашли причины доверять данной личности, то считается неприличным нам без всякого сомнения согласиться с переданной нехорошей информацией о ней.

То же самое можно сказать в отношении Христа. Доверие или упование на Христа основано на надёжных, действительных, объективных доказательствах, но христианская вера — это что-то более, чем только объективные доказательства. Христианское богословие говорит об обоих видах веры, но, к сожалению, апологетика выделяет, главным образом, фактическую основу веры по той причине, что большинство неверующих считают, что для веры нет никаких объективных фактов. Как жалко, потому что апологет старается, в сущности, привести Вас к полной отдаче и посвящению себя Богу.

Агнос, когда станут известны все соответствующие факты, то Вам придётся сделать окончательное решение. Сможете ли Вы выступить из света знания и перейти к более тусклому свету веры? — вот это будет по Вашему выбору. Эмерсон однажды написал Карлейлю: «Вера и любовь могут появляться порывисто в самых лучших умах. Люди живут на пороге тайн и созвучий, в которые не входят, а умирают снаружи, держась за ручку двери».¹⁰

Надеюсь, милый друг, что Вы не умрёте с наружной стороны духовной двери!

9. В английском оригинале автор буквально пишет: «Верю, что сегодня пойдёт снег». На английском языке слово «верю» в таком случае вполне приемлемо и соответствует русским словам «предполагаю» или «допускаю» (прим. перев.).

10. Цитата взята из письма Эмерсона Томасу Карлейлю, написанного 12 марта 1835 г.

